

© 2010 г. Т.И. Скоробогатова

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: ОБРАЗЫ,
СОЗДАННЫЕ ПОЛИТИКАМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

Рассматриваются процессы обогащения фразеологического фонда французского языка в свете концепции исторической памяти. Одним из компонентов исторической памяти является память политическая. Предпринята попытка рассмотреть и наглядно проиллюстрировать вклад политических деятелей различных эшелонов власти, выступающих «поставщиками» новых фразеологических выражений, на примере лингвокреативного потенциала политиков, представляющих элитарный микросоциум Франции.

Ключевые слова: историческая память, политическая память, фразеологическая единица, французский язык.

Восьмидесятые годы XX в. были отмечены очередной глобальной ревизией эпистемиологических оснований исторической науки, в результате которой в западной историографии было проблематизировано понятие «историческая память». В современной французской науке это привело к формированию целой школы исследований исторической памяти (*mémoire historique*). В немецкой историографии распространение новой парадигмы также встретило поддержку, и немецкая школа направила свои усилия на изучение так называемой «культурной/культуральной памяти» (*Kulturelles Gedächtnis*). Именно в этой памяти, по мнению немецких исследователей, обнаруживаются те воспоминания о культурных смыслах, которые люди, жившие в прошлые времена, вкладывали в свои действия и поступки. По О.Г. Эксле, культурная память – это такая форма передачи и актуализации истории, которая является характерной для нашей современности [1]. Не последнее место в ряду гуманитарных наук, на которые распространилась экспансия конструкта «историческая/культурная память», занимает лингвистика, поскольку конец XX в. в филологии был ознаменован «антропоцентрическим сдвигом», т.е. переходом к постижению языка как антропоцентрического феномена. Причина фор-

мирования данного парадигмального вектора современной лингвистики кроется в том, что самым важным фактором, влиявшим на формирование языка, его структуры, была и есть сама природа человека: «<...> язык буквально воспроизводит в себе какие-то черты человека, “подражает” ему в каких-то свойствах» [2, с. 216]. Возникновение такого научного направления, как антропологическая лингвистика, не могло не способствовать интродукции конструкта «историческая память» в исследовательскую парадигму науки о языке, т.к. язык и память по целому ряду параметров демонстрируют сходные черты. «Как и память, язык возвращает нам наши травмы, наши иллюзии (индивидуальные и коллективные). Устойчивые и воспроизводимые единицы языка сопоставимы с коммеморативными местами. Фразеологизмы можно определить как коллективные воспоминания» [3, с. 23].

Необходимо отметить, что аналогию между памятью и языком проводят не только представители лингвистической науки. Известный историк Амос Функенштейн отмечает, что «так же, как язык, в котором существуют относительно замкнутые участки статусного или профессионального языка, обслуживающие только некую узкую группу, так и в коллективной памяти имеются отдельные участки для субкультур. И так же, как в языке не используемые в повседневном обороте уровни или способы употребления сохраняются только в отдаленных островках или в письменном тексте, так и коллективная память сохраняет символы и памятники, которые уже ни о чем не “напоминают” большинству членов того коллектива, которому она принадлежит. Уж если языком можно целенаправленно манипулировать, то коллективной памятью тем более <...>» [4, с. 19]. Исходя из положения, выдвинутого Л.П. Репиной, согласно которому «при отсутствии прямого контакта с прошлой реальностью мы лишены возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, но его можно понять в более широком контексте, в комплексной картине исторического опыта, включающей самые разные его интерпретации» [5, с. 128], мы пришли к выводу, что одной из областей подобной интерпретации может выступать фразеология, входящая в лексическую систему того или иного национального языка. Характеризовать взаимосвязь истории и фразеологии в прежних понятиях и концепциях уже недостаточно, поскольку это не представляется адекватным реалиям современного

общества, пониманию истории и ее функций в XXI в., исследовательским векторам современной исторической науки.

Раскрывая внутреннее содержание исторической памяти, В.С. Полянский в работе «Историческая память в этническом самосознании народов» (1999) выделяет следующие ее компоненты: 1) этноисторическая память в виде воспоминаний о происхождении, о предках; 2) социальная память, в которую входят представления людей об образе и уровне жизни на различных этапах существования этноса; 3) политическая память, включающая в себя знания людей о былых формах государственного устройства; 4) социокультурная память, в которую входит широкая палитра представлений индивидов об истоках родного языка, народном эпосе, национальных традициях и обычаях, о зарождении письменности, о моральных и социальных нормах, утвердившихся в данном обществе; 5) конфессиональная память, в основе которой лежат представления индивидов о культовых обрядах прошлого и принятии религии; 6) память об исторически сложившихся формах общения с другими народами, о культуре межнационального общения [6]. Следует отметить, что в центре представлений о прошлом современных обществ находится политическая история. По мысли В.А. Васильевой, сегодня «возрос интерес и к анализу дискурса политических деятелей», и причиной этому послужили «особенности жизни в современном мире: развитие информационных технологий, увеличение роли средств массовой информации» [7, с. 31]. Политические деятели, представляющие различные эшелоны власти той или иной страны, зачастую выступают «поставщиками» новых фразеологических выражений. Можно вспомнить, например, русский фразеологический неологизм *мочить в сортире*. Данный оборот с дефиницией «беспощадно расправляться с кем-либо» впервые прозвучал в одном из предвыборных выступлений В.В. Путина перед журналистами в Астане (Казахстан) 24 сентября 1999 г., в котором президент России дал оценку деятельности террористов («террористов будем мочить в сортире») [8, с. 660-661]. Не только тот факт, что терроризм представляет собой явление современности, которое не может никого оставить равнодушным, но и притягательность личности российского президента, позволившего себе таким образом проявить человеческую эмоциональность, способствовали распространению этого выражения, которое с 2000 г. употребляется и в украинской прессе.

Во французском публицистическом дискурсе нередко употребляется выражение *combien de divisions* ... (букв. сколько дивизий ...; дескриптор: материальная слабость духовной власти; влияние на ход истории возможно при наличии материальных средств), которое является частью реплики И. Сталина, адресованной 2 мая 1935 г. министру иностранных дел Франции Пьеру Лавалю (Pierre Laval). П. Лаваль обратился к Сталину с просьбой проявить гибкость по отношению к Ватикану, чтобы не дать повода для ссоры с могущественным Папой Римским, на что Сталин поинтересовался: «Папа? А сколько у него дивизий?» [9, с. 75-76]. Во Франции немаловажную роль в пропаганде политической истории этой страны играют политические деятели, публичные выступления которых изобилуют яркими запоминающимися образами. Так, например, генерал Шарль де Голль (Charles de Gaulle, 1890 – 1970) является автором многих выражений, получивших в дальнейшем широкое распространение во французском языке. К их числу относятся такие выражения, как *épouser son siècle* (букв. повторять форму/быть пригнанным к своему веку; дескриптор: соответствовать своему времени), впервые прозвучавшее в речи де Голля от 12 июля 1961 г.; *tous azimuts* (букв. по всем азимутам; дескриптор: по всем направлениям), прозвучавшее в речи генерала от 27 января 1968 г.; выражение *aller à Baden-Baden* (букв. отправиться в Баден-Баден; дескриптор: заручиться поддержкой политических сил и армии, прежде чем начать переговоры), которое восходит к событиям 29 мая 1968 г., когда Шарль де Голль уехал в Баден-Баден, где получил поддержку генерала Массю. Знаменитое выражение *un quarteron de généraux* было использовано де Голлем в речи от 23 апреля 1961 г. Буквальное прочтение данного оборота вызывает некоторое затруднение, т.к. термином *quarteron* обозначается 1/4 часть сотни или килограмма (например, *le quarteron d'oeufs* – 25 яиц). После речи генерала это выражение стало обозначать группу людей, состоящую из четырех человек, и приобрело пейоративную окраску, поскольку изначально речь шла о четырех генералах (Raoul Salan, André Zeller, Maurice Challe et Edmond Jouhaud), организовавших путч и выступивших против самоопределения Алжира (22 апреля 1961 г.). Выражение *inaugurer les chrysanthèmes* (букв. впервые возложить хризантемы во время церемонии торжественного открытия [памятника]; дескриптор: участвовать лишь в представительских мероприятиях), авторство которого также принадлежит Ш. де Голлю (пресс-

конференция 9 сентября 1965 г.), употребляется при характеристике главы государства, лишенного реальной власти, которому доверяют только открывать выставки, возлагать цветы на могилах, вручать награды.

Маршал Мари Эдм Патрис Морис Мак-Магон (Edme Patrice Mac-Mahon, 1808 – 1893), президент Франции с 1873 по 1879 гг., также оставил потомкам несколько исторических фраз. Так, приписываемое Мак-Магону выражение *j'y suis, j'y reste* (букв. здесь стою, здесь и останусь) употребляется как формула настойчивого и решительного утверждения своих прав. Оно стало известно после Крымской кампании (1853 – 1856), когда Мак-Магон 8 сентября 1855 г. занял Малахов курган. На предупреждение командования о том, что русские, возможно, намерены это укрепление взорвать, и предложение штаба покинуть позицию Мак-Магон пять раз отвечал отказом. Позднее маркиз Кастеллане будет утверждать, что это выражение было приписано им Мак-Магону в речи, которую он произнес в 1873 г. в Национальном собрании при обсуждении вопроса о продлении президентских полномочий Мак-Магона [9, с. 215-216]. Символом презрения и безразличия к другим людям является фраза Мак-Магона *C'est vous le nègre? Continuez!* (букв. Это вы негр? Продолжайте!). Утверждают, что эта фраза была произнесена им во время посещения Сен-Сирского военного училища при приветствии лучшего ученика выпуска. На жаргоне воспитанников Сен-Сира *nègre* означает «лучший ученик выпуска» (что было известно и самому Мак-Магону, окончившему в 1827 г. эту военную школу). Неудачность же применения этого слова заключалась в следующем: в том году лучшим учеником стал мулат. В дальнейшем эта шутка стоила юноше множества дуэлей и, устав от постоянных насмешек, он подал в отставку [9, с. 81]. Маршал Филипп Петен (Philippe Pétain, 1856 – 1951) оставил потомкам выражение *je fais à la France don de ma personne* (букв. я приношу себя в дар Франции), ставшее эталоном жертвенности и бескорыстия. Однако употребляется этот оборот в современном французском языке только в ироническом смысле. Авторство выражения *tirer sur l'ambulance* (букв. стрелять в карету скорой помощи; дескриптор: не щадить попавшего в беду, в трудное положение) принадлежит Франсуазе Жиру (Françoise Giroud, 1916 - 2003). Ф. Жиру – известная французская журналистка и писательница, создатель еженедельного журнала *L'Express* (1953), видный политический деятель (входила в состав кабинета министров Франции). Ф. Жиру также активно работала и в кино, при ее участии было снято около 50

фильмов. Именно она придумала название для одного из литературных течений нашего времени – «новая волна». Когда ее не стало, Министерство культуры Франции в официальном некрологе назвало ее «одним из самых блестящих умов XX века». Впервые выражение *On ne tire pas sur une ambulance* было употреблено Ф. Жиру в редакционной статье журнала *L'Express*, посвященной президентским выборам 1974 г., и речь шла о кандидате на пост президента Франции Шабане Дельма (Chaban Delmas), подвергавшемся нападкам со стороны журналистов и политиков. В 1985 г. *Le Grand Robert* зафиксировал выражение *On ne tire pas sur une ambulance*, а в 2001 г. *Le Petit Larousse Illustré* зарегистрировал оборот *tirer sur l'ambulance* [10, с. 61-62].

Рассмотренный нами языковой материал позволил продемонстрировать лингвокреативный потенциал политических деятелей, которые представляют элитарный микросоциум Франции. Яркость и запоминаемость создаваемых ими образов обусловлена стремлением говорящего оказать воздействие на аудиторию, представляя свое понимание социальной реальности и преследуя свои установки и цели. Многие обороты, авторами которых являются политические деятели, в современном французском языке употребляются только с оттенком иронии. Такова судьба многих цитат политических деятелей, ставших proverbially. Это обусловлено, на наш взгляд, недоверием, которое французы испытывают к наделенным властью лицам. Именно политическая память склонна к отторжению опыта посредством гнетущего чувства разочарования. Так, разочарование, которое испытывают французы к государственной власти и политике, проявилось в 2002 г. в ходе составления «портрета идеального президента Франции»: основным качеством «хорошего президента» для 76% французов является честность, для 46% – искренность [11, с. 257]. Опрос общественного мнения показал также, что 78% французов считают, что политических деятелей совершенно не заботит (или очень мало) то, что думают простые люди [12]. «Выживаемость» тех или иных выражений, авторство которых принадлежит политическим деятелям, их фразеологизация обусловлены также имиджем самого политика. Так, Ш. де Голль, окончивший в 1912 г. Сен-Сирскую военную школу с характеристикой «*moyen en tout, sauf pour la taille*» – «средний во всем, кроме роста», оставил заметный след в истории Франции. Мак-Магон, занимавший пост президента Французской Республики в период с 1873 по 1879 гг., слыл человеком неда-

леким и даже глупым. Известна, например, его фраза «*La typhoïde, je l'ai eue. On en meurt ou on en reste idiot*» – «Тифом я болел. От него умирают или остаются идиотом» [9, с. 102]. Вполне вероятно, что многие подобные фразы созданы скорее юмористами, однако массовое историческое сознание в большей степени готово воспринять образ глупого президента, чья речь является образцом плоских шуток, нежели образ выдающегося государственно-го деятеля, мало заботясь о достоверности исторического факта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма. М., 2001.
2. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М., 2006.
3. *Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М., 2007.
4. *Функенштейн А.* Коллективная память и историческое сознание // История и коллективная память. Сборник статей по еврейской историографии. М., Иерусалим, 2008.
5. *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии. М., 2005.
6. *Полянский В.С.* Историческая память в этническом самосознании народов // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/09/26/0000220888/002_Polyanskij.pdf
7. *Васильева В.А.* Политическая метафора как способ воздействия на массовое сознание и особенности формирования фигуры лидера на материале выступлений Барака Обамы (английский язык) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Екатеринбург, 2010. Ч. II.
8. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
9. *Bologne J.-C.* Qui m'aime me suive. Dictionnaire commenté des allusions historiques. Paris, 2007.
10. *Conenna M., Kleiber G.* De la métaphore dans les proverbes // Langue française. 2002. Vol. 134. № 1.

11. *Mermet G.* Francoscopie 2003. Paris, 2003.
12. Les Français et la politique: confiance à géométrie variable.
<http://www.france-info.com/france-politique-2010-01-12-les-francais-et-la-politique-confiance-a-geometrie-variable-390895-9-10.html>

*Южный федеральный
университет*

24 мая 2010 г.
